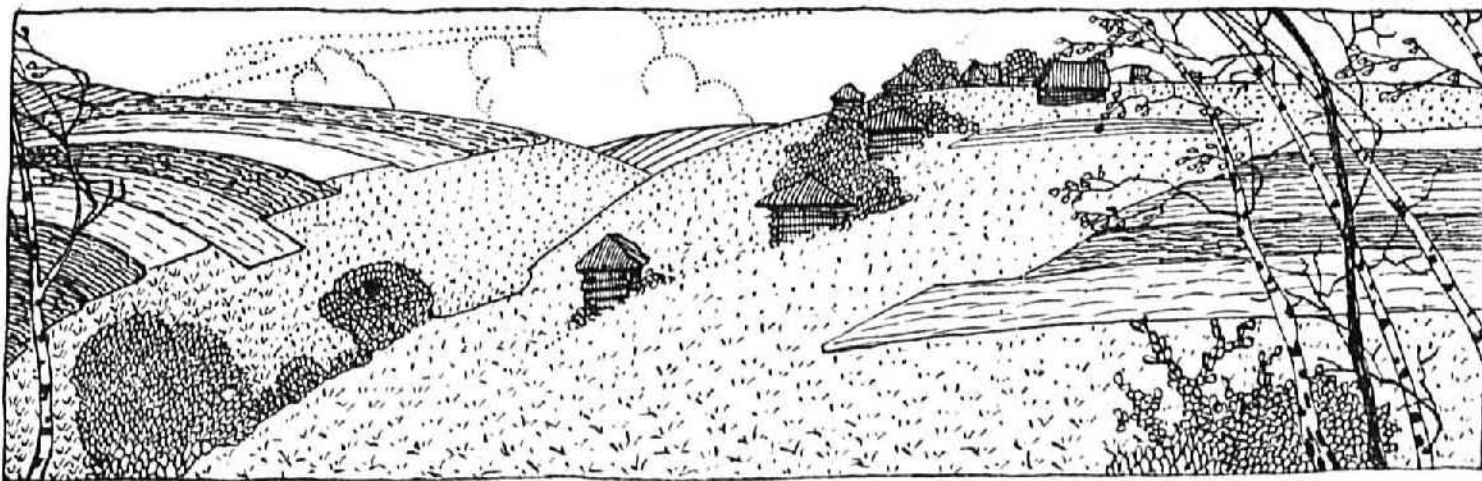

Сказка-присказка еловая подмазка,
еловъ приснецъ заломилъ хвостецъ,
побѣжалъ въ кустецъ по пироги, по
шанежки, по лукъ, по чеснокъ, по
рябиновый батогъ.

Воздушный голубь.

Въ нѣкоторомъ столичномъ городѣ жилъ молодой человекъ, пріѣхавшій изъ деревни и занимавшійся плотничей работой и въ послѣднее время сдѣлавшійся мебельщикомъ. Онъ прожилъ здѣсь лѣтъ двѣнадцать и составилъ большой капиталъ.

Этотъ мебельщикъ любилъ ходить въ хорошія гостинницы, гдѣ весело и хорошо проводилъ время.

Въ одинъ прекрасный вечеръ заказалъ полторы бутылки разнаго вина и кой-чего изъ съѣдобнаго на закуску.

Въ ту же гостинницу пришелъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, ужасно гордый, и увидавъ, что мебельщикъ имѣетъ пол-

торы бутылки, онъ сѣлъ противъ его за столъ и заказалъ цѣлыхъ три бутылки разнаго вина.

Мебельщикъ, видя это и зная, что золотыхъ дѣлъ мастеръ богаче его, разсердился и, стукнувъ по столу, приказалъ прислугѣ подать ему полдюжины бутылокъ разнаго вина.

Гордость не позволила золотыхъ дѣлъ мастеру равнодушно перенести поступокъ мебельщика и онъ, обратясь къ нему сказалъ:

— Какъ ты осмѣливаешься богачѣ меня пировать? Ты мастеръ работать топоромъ и можешь выработать одинъ

рубль въ день, а я всячески могу выработать три рубля въ день.

А деревянныхъ дѣлъ мастеръ на это ему въ отвѣтъ:

— Послушайте, добрый человѣкъ: трактирный домъ вольный, не спрашиваетъ ни бѣднаго, ни богатаго, а спрашиваетъ гуляку. У насъ же и послѣдняя копѣйка полетай вверхъ орломъ.

Въ концѣ концовъ у нихъ произошелъ скандалъ и они перебили посуду на столахъ. Тогда содержатель трактира потребовалъ полицію, чтобы отправить пьяныхъ буяновъ для вытрезвленія въ часть и утромъ взыскать съ нихъ за перебитую ими посуду на столахъ.

Мастеровые хотя и вытрезвились, но другъ противъ друга въ душѣ питали злобу.

По поводу ихъ виновности въ учиненномъ имъ скандалѣ и относительно взысканія убытковъ за перебитую посуду,—произведено было частнымъ приставомъ дознаніе. Но такъ какъ приставъ былъ не сердцевѣдъ, то, понятно, не могъ узнать, кто изъ нихъ былъ истиннымъ виновникомъ въ происшедшемъ и съ кого надлежало требовать за уничтоженную посуду. А поэтому дѣло было передано самому полиціймейстеру. Но и полиціймейстеръ, подобно частному приставу не могъ также добиться правды и установить, кто изъ нихъ дѣйствительный виновникъ.

Отъ полиціймейстера дѣло было направлено къ самому правителю города, который очень долго тянулъ это дѣло,

но такъ же, какъ и первые два, не могъ узнать кто правъ и кто виноватъ, и въ концѣ концовъ правитель вынужденъ былъ передать это дѣло для разбора синклиту, чтобы послѣдній—праваго оправдалъ, а виновнаго обвинилъ.

Когда собрался синклитъ, то одинъ изъ членовъ его обратился къ председателю со словами:—„Судить ихъ нужно по издѣлію“.

Председатель подошелъ сперва къ золотыхъ дѣлъ мастеру и спросилъ его:

— Что ты мнѣ можешь сработать?

— Утку съ двѣнадцатю цыплятами. По вашему приказанію я могу пойти въ вашъ роскошный садъ, гдѣ находится громадный прудъ и, не дойдя до него, открою золотую шкатулку, изъ которой вылетитъ золотая утка и, облетѣвъ роскошный садъ, опустится въ прудъ и начнетъ плавать, изъ нея выскочутъ двѣнадцать цыпленковъ, которые тоже станутъ плавать по пруду. Цыплята поплаваютъ, поплаваютъ и соберутся къ матери подъ крылышко. Потомъ утка спорхнетъ и улетитъ опять въ шкатулку, а цыплятъ я самъ посажу.

Председатель синклита спросилъ золотыхъ дѣлъ мастера о стоимости его издѣлія.

— Матеріалъ стоитъ триста рублей, а за работу не спрашиваю,—отвѣтилъ онъ ему.

— А сколько времени потребуется вамъ для изготовленія вашего издѣлія.

— Одинъ мѣсяцъ.

Послѣ этого предсѣдатель подошелъ къ деревяннымъ дѣлъ мастеру, стоявшему съ поблеклымъ лицомъ и дрожащими руками, и спросилъ его,

— А вы, что можете сработать?

— Я могу сработать вамъ воздушнаго голубя, съ которымъ, по вашему приказу, явлюсь въ вашъ роскошный садъ, откуда могу подняться на голубѣ въ воздухъ, подобно птицѣ, и летѣть, по желанію, какъ вверхъ такъ и внизъ, а равно и въ даль, и садиться по разнымъ деревьямъ вашего сада.

— Сколько стоитъ нужный для вашего голубя матеріалъ?—спросилъ его предсѣдатель.

— Три рубля, отвѣтилъ онъ.

— А сколько времени потребуется вамъ на работу.

— Одинъ мѣсяцъ.

Затѣмъ мастеровые были отпущены по домамъ для изготовленія своихъ издѣлій, съ которыми имъ слѣдовало вновь предстать предъ синклитомъ черезъ одинъ мѣсяцъ.

По прошествіи означеннаго срока, мастеровые явились къ предсѣдателю и принесли съ собой каждый свое издѣліе. Предсѣдатель живо распорядился созвать членовъ синклита, и когда тѣ собрались всѣ вмѣстѣ, то предсѣдатель предложилъ синклиту и мастеровымъ

отправиться въ садъ, гдѣ должны были произойти испытаніе и оцѣнка работъ сдѣланныхъ мастерами.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ какъ сказалъ, такъ въ точности и произвелъ свое издѣліе. Деревянныхъ же дѣлъ мастеръ, боясь, вѣроятно, опаснаго для него сравненія съ замѣчательнымъ искусствомъ своего соперника, весь трясся и, ожидая очереди, стоялъ съ потеряннымъ видомъ и держалъ въ дрожащихъ рукахъ небольшой узелокъ. Предсѣдатель кротко подошелъ къ нему и спросилъ:— Деревянныхъ дѣлъ мастеръ, выполнили вы свое издѣліе?

— Такъ точно—отвѣтилъ онъ предсѣдателю и упалъ передъ нимъ на колѣни.

Когда второй мастеръ развязалъ свой узелокъ, то въ немъ оказались какіе-то мелкіе деревянные бруски, причемъ въ нѣкоторые изъ нихъ были вставлены стальные пружины. Всѣ бруски были занумерованы. Онъ проворно сталъ складывать эти бруски одинъ къ другому и такимъ образомъ живо собралъ своего голубя, а затѣмъ обратился къ предсѣдателю съ вопросомъ:

— Куда прикажете летѣть вверхъ или въ даль?

Тотъ отвѣтилъ:

— Поднимись нѣсколько вверхъ.

Мастеръ, сидя на своемъ голубѣ, нажалъ одну пружину и—вмигъ взвился

Нажалъ одну пружину и вмигъ взвился
на воздухъ.

Рисунокъ В. Малышева.

на воздухъ. Нажавъ потомъ другую пружину, онъ спустился ниже и полетѣлъ въ даль за нѣсколько верстъ, надъ самымъ моремъ. Пролетѣвъ такъ нѣкоторое время, онъ опять нажалъ какую-то пружину, и его голубь повернулъ обратно. Облетѣвъ весь садъ, голубь, повинаясь управленію мастера, сѣлъ на свое мѣсто, въ компаніи зрителей.

Предсѣдатель синклита (онъ же и управитель города) и всѣ остальные зрители положительно были поражены видѣннымъ и, конечно, всѣ стали на его сторону. Болѣе всѣхъ пришелъ въ восторгъ отъ этого издѣлія сынъ предсѣдателя Ваня, молодой человѣкъ, лѣтъ

семнадцати, необыкновенной красоты. Онъ обратился къ своему отцу и сказалъ:

— Любезнѣйшій мой родитель! дозвоьте этого мастера взять къ намъ въ палаты, чтобы онъ научилъ меня дѣлать такихъ замѣчательныхъ, какъ его, воздушныхъ голубей,—это очень дорого стоитъ для нашего отечества и города, не то что произведеніе золотыхъ дѣлъ мастера; его золотая утка, пригодная только для забавы; а этотъ голубь можетъ быть очень полезенъ въ томъ случаѣ, когда, во время войны, къ нашему городу подступитъ непріятель: я на своемъ голубѣ могу наблюдать за каждымъ

шагомъ врага и могу узнать его расположение и о томъ, съ какой стороны онъ подходитъ къ нашему городу.

Отецъ Вани согласился, и деревянныхъ дѣлъ мастеръ поступилъ въ учителя къ Ванѣ и переселился въ правительскія палаты.

Что же касается до рѣшенія дѣла о скандалѣ и побитой посудѣ, то виновникомъ признанъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и синклитъ постановилъ: взыскать съ него деньги за уничтоженную посуду и самого его заключить на нѣкоторое время въ тюрьму.

Ваня очень усердно занялся изученіемъ изготовленія воздушныхъ голубей и потому скоро научился этому искусству: онъ самъ сработалъ такого же голубя, какой ранѣе сдѣланъ былъ его учителемъ.

Когда правитель города убѣдился, что его сынъ дѣйствительно научился столь замѣчательному искусству, онъ рѣшилъ собрать гостей и устроить по сему случаю торжество, во время котораго Ваня долженъ былъ сдѣлать первый опытъ со своей работой и на своемъ голубѣ подняться и полетѣть по воздуху.

Когда все было готово и всѣ приглашенные на пиръ съѣхались, правитель пригласилъ гостей пожаловать въ садъ и полюбоваться искусствомъ его сына.

Ваня же, подобно своему учителю, предсталъ передъ зрителями съ узелкомъ въ рукахъ и ожидалъ приказа отца,

чтобы приняться за сборку своего голубя. Когда же отецъ велѣлъ ему приступить къ дѣлу, то Ваня тотчасъ же развязалъ свой узелокъ и сталъ прилаживать одинъ къ другому, находившіеся въ немъ нумерованные бруски, съ вложенными въ нѣкоторые изъ нихъ стальными пружинами. Скоро изъ брусковъ образовался голубь и Ваня спросилъ отца:

— Куда прикажете летѣть — вверхъ или въ даль?

— Поднимись нѣсколько вверхъ, какъ воздушная птица, кругообразно опустишь на землю и сядь на свое мѣсто, — отвѣтилъ ему отецъ.

Ваня приступилъ къ голубю и, сѣвъ на него, прижалъ одну изъ пружинъ. Голубь взвился въ воздухъ и взлетѣлъ такъ высоко, что Ваня лишился отъ страха настоящего разсудка и вмѣсто того, чтобы надавить другую пружину, онъ нажималъ ту, которая способствовала полету вверхъ, и черезъ то продолжалъ подниматься все выше и выше, и скоро скрылся совсѣмъ изъ виду и самъ онъ также не видѣлъ сверху ни своего города, ни земли, ни моря.

Когда же Ваня пришелъ немного въ себя и захотѣлъ спуститься внизъ, то опять нажалъ не ту, которую слѣдовало пружину и вмѣсто спуска быстро понесся въ даль. И такимъ образомъ Ваня улетѣлъ за тридевять земель въ тридесятое государство. Однако, пролетѣвъ столь огромное пространство, онъ, въ концѣ концовъ, всетаки научился, какъ слѣдуетъ, орудовать своимъ издѣліемъ.

И по прошествіи нѣкотораго времени, долетѣвъ до одного прекраснаго по виду города, онъ рѣшилъ здѣсь спуститься на землю и, нажавъ нужную для того пружину, онъ спустился внизъ, прямо на крыльцо къ одному изъ мѣстныхъ купцовъ. Здѣсь его взяла полиція и стала производить допросъ, чей онъ, откуда, какъ его зовутъ и проч.

Въ тогдашнія времена разныхъ языковъ не понимали, а потому и Ваня не могъ понять, о чемъ его спрашивали, и на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ только:

— Я ничего не знаю.

Его такъ и прозвали „Незнайкой“, и таскали по судамъ и все дознавались, чей онъ и откуда. Наконецъ его доставили къ главному судѣ того города.

Судья осмотрѣвъ Ваню съ головы до ногъ понялъ, что онъ происходитъ отъ знатнаго рода, о чемъ свидѣтельствовало его благородное и красивое лицо, и Ваня былъ взятъ судьею въ его домъ и ему предоставлено было право безпрепятственно ходить по всему городу; и вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ былъ приказъ, чтобы встрѣчавшіеся съ Незнайкой, отдавали бы ему честь.

У судьи была единственная дочь, юныхъ лѣтъ и замѣчательной красоты. Она находилась въ своей опочивальнѣ, которая двумя окнами выходила на улицу, и молодая дѣвушка очень любила часто сидѣть подъ косящатымъ окномъ и смотрѣть на прохожихъ и проезжихъ.

Мимо оконъ судейскаго дома нерѣдко проходили мужчины, видя которыхъ дочь судьи сильно волновалась и черезъ то болѣла, такъ что въ одно прекрасное время отецъ вынужденъ былъ пригласить даже доктора для оказанія помощи его дочери. Докторъ осмотрѣвъ больную, сообщилъ отцу о причинѣ болѣзни:

— Ваша дочь влюбляется въ молодыхъ людей и черезъ то сильно волнуется и болѣетъ, — сказалъ судѣ докторъ.

Послѣ этого сообщенія судья сталъ придумывать способъ, какъ бы избавить дочь на будущее время отъ повторенія ея болѣзни, и скоро онъ нашелъ къ тому одно подходящее средство: онъ рѣшилъ поселить свою дочь въ уединенномъ мѣстѣ.

Городъ находился близъ взморья; открытое море находилось въ пятнадцати верстахъ. И тутъ былъ дикій проливъ, посреди котораго былъ скалистый островъ, на которомъ въ одномъ мѣстѣ росъ лѣсъ. Вотъ на этомъ то островѣ судья и устроилъ для своей дочери свѣтлицу, куда и отправилъ ее, чтобы — съ одной стороны — сохранить ея дѣвичью чистоту и красоту, а съ другой — чтобы избавить ее отъ болѣзни, которая появлялась у нея черезъ то, что она влюблялась въ молодыхъ людей и сильно волновалась.

Незнайка былъ помѣщенъ судьею въ своей прежней комнатѣ и изъ нея былъ ясно видѣнъ проливъ, соединявшій открытое море съ возморьемъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, Незнайка сидѣлъ и смотрѣлъ въ окно на проливъ и покуривалъ крученую папиросу. Вдругъ онъ замѣтилъ въ проливѣ огонь, какъ бы горѣла свѣча. — „Охъ! ѣдятъ-тя мухи, — сказалъ про себя Незнайка, — то вѣрно военныя или коммерческія суда идутъ. Ахъ, чтобы мнѣ теперь тамъ быть, глядишь—увезли бы меня на родину.“

Въ концѣ концовъ онъ вспомнилъ про свое издѣліе, вынулъ изъ поддевки узелокъ, склалъ своего голубя, затѣмъ растворилъ окно и сѣвъ на голубя, онъ полетѣлъ прямо на огонь, въ увѣренности, что попадетъ на корабль...

Но вмѣсто корабля Незнайко прилетѣлъ на балконъ чертога судейской дочери. Сойдя съ голубя, онъ направился внутрь чертога и войдя туда, увидѣлъ, что на диванѣ, подъ собольимъ одѣяломъ спитъ молодая красавица. Отъ крѣпкаго сна обнажились ея бѣлыя груди и разгорѣлись уста...

Не спрося хозяйки, Незнайко сталъ осматривать чертогъ и закурилъ крученую папиросу. Потомъ подойдя опять къ спавшей, онъ сталъ всматриваться въ ея нѣжное лицо и бѣлыя груди и, наконецъ, рѣшился поцѣловать ее. Но поцѣловавъ трижды сонную, онъ вдругъ почувствовалъ страхъ и стыдъ за свой поступокъ, и тотчасъ же вышелъ изъ чертога, сѣлъ на своего голубка и полетѣлъ обратно къ себѣ домой.

Онъ рѣшилъ, что на слѣдующій день полетитъ пораньше и захватитъ дѣвушку еще не спящей.

Послѣ ухода Незнайки, красавица проснулася. Она слышала сквозь сонъ цѣлованія въ уста и запахъ дыма отъ папиросы, но не могла объяснить себѣ, что это было: сонъ, грезы, или же все это въ дѣйствительности съ ней происходило. Она призвала къ себѣ свою гувернантку, которая жила при ней неотлучно, а также всѣ своихъ нянюшекъ и мамушекъ, которыя отцемъ ея были приставлены для ухода за ней въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, и объяснила имъ свое приключеніе.

Выслушавъ свою барышню, старшая мамушка сказала ей:

— Послушай, милая наша барышня, мы вѣдь не толковательницы сновъ; да и былъ это не сонъ, а грезы, приключившіяся оттого, что ужъ очень много думаешь о женихахъ и замужествѣ.

На другой день послѣ посѣщенія спящей красавицы, Незнайко, дождавшись вечера, рѣшилъ про себя: — „Полечу-ка къ той красавицѣ пораньше и застану ее еще не спящей и захвачу ее.“

А судейская дочка въ то время тоже думала про себя: — „Подожду ложиться спать, не прилетитъ ли тотъ красавецъ, что вчера меня цѣловалъ сонную.“

Отъ — нечего дѣлать она, въ ожиданіи гостя, занималась рукодѣліемъ и музыкой.

Незнайко досталъ бруски и, склавъ голубя вновь полетѣлъ надъ проливомъ, направляясь на балконъ судейскаго чер-

тога. Прилетѣвъ туда, онъ засталъ дѣвушку, стоящую на молитвѣ передъ какимъ-то истуканомъ. Когда же она окончила свою молитву, то немедленно же раскрыла двери и впустила гостя, пригласивъ его пройти въ ея спальню, гдѣ она усадила въ богатое раззолоченное кресло, а сама усѣлась на постель и начала его спрашивать, чей онъ и откуда?

— Я изъ такого-то царства, изъ такого-то государства и такого-то города правителя сынъ, по имени Ваня.

Дѣвушка бросивъ полный страсти взоръ свой на красавца Ваню, вся замяѣла отъ вострога и затѣмъ, заключивъ его въ свои нѣжныя объятія, стала горячо цѣловать, на что тотъ отвѣчалъ ей тѣмъ же, нашептывая ей въ то же время слова любви.

Такъ они цѣловались и обнимались, и признавались въ нѣжныхъ чувствахъ до самой зори. Раннимъ же утромъ Незнайко собрался въ обратный путь. На прощанье дѣвушка сказала ему:

— Послушай любезный другъ Ваня: покуда ты будешь проживать у моего папаша, прилетай каждую ночь ко мнѣ ночевать.

И съ этого времени Незайка ровно девять мѣсяцевъ леталъ по вечерамъ къ своей возлюбленной и оставался ночевать въ ея спальнѣ. И въ концѣ концовъ судейская дочка оказалась беременной. Этого обстоятельства, конечно, нельзя было сохранить въ тайнѣ отъ окружающихъ и прислуга стала

замѣчать интересное положеніе дѣвушки.

Старшая мамушка и нянюшка никакъ не могла объяснить себѣ, какимъ образомъ ея барышня могла сдѣлаться въ тягостяхъ, когда ея невинность такъ бдительно охраняли всѣ ея окружающія и притомъ, вотъ уже семь лѣтъ какъ дѣвушка была поселена здѣсь ея отцемъ и въ теченіе этого времени она не видала даже ни одного мужчины.

Долго думали и гадали нянюшки и мамушки о томъ, какъ быть имъ съ этой неожиданностію, и наконецъ рѣшили идти въ городъ и о случившемся донести своему хозяину, отцу дѣвушки.

Услыхавъ отъ нянюшекъ и мамушекъ такую неожиданную новость, судья тотчасъ же собрался и поѣхалъ за объясненіями къ своей дочери.

Пріѣхавъ на островъ и увидавъ, что дочь его дѣйствительно находится въ тягостяхъ, онъ обратился къ ней за объясненіемъ ея поступка и требовалъ, чтобы она объяснила ему чистосердечно.

Тогда дѣвушка, вставъ со своей мѣста и поклонившись отцу начала такую рѣчь:

— Любезнѣйшій папаша! я дочь ваша, и надо мною ваша воля. Но въ моемъ настоящемъ положеніи я нисколько не виновата. Вотъ ужъ болѣе семи лѣтъ, какъ я не видала ни одного мужчины. Девять же мѣсяцевъ тому назадъ, въ одну прекрасную ночь я

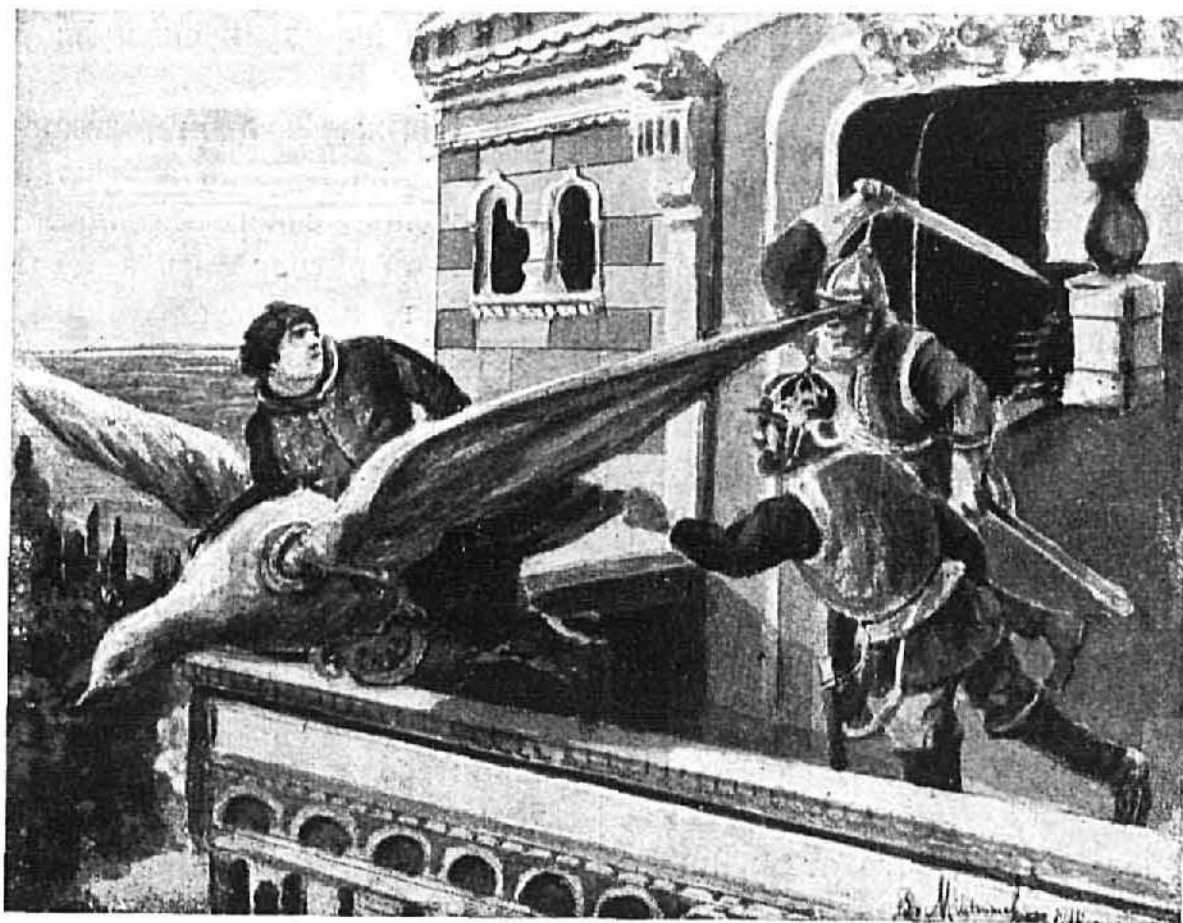
сладко спала. И вдругъ я увидѣла, какъ растворились небеса и оттуда ко мнѣ слетѣлъ небесный ангелъ, который войдя въ спальню ходилъ и курилъ крученную папиросу, а потомъ, подойдя ко мнѣ, трижды горячо поцѣловалъ меня. Судите же сами, мой любезный папаша, виновата ли я въ томъ, что не смотря на всѣ мѣры, принятыя вами для огражденія меня отъ соблазна, я все-таки, помимо моей воли, была поцѣлована тѣмъ безцермонномъ ангеломъ, и отъ этого ангельскаго поцѣлуя сдѣлалась беременной.

Слушая разсказъ своей виноватой дочери, диву давался старый судья, какъ это такъ могло случиться, что отъ поцѣлуя она могла вдругъ забеременеть. И, наконецъ, пришелъ къ тому заклю-

ченію, что отъ поцѣлуя этого не случилось-бы, а произошло этой кой-отчего другаго. И вотъ, чтобы выяснитъ это темное дѣло, онъ назначилъ стражу для охраны дочернаго чертога.

Въ первую ночь назначены были два унтеръ-офицера.

Между тѣмъ нашъ Незнайко о готовившейся ему ловушкѣ ничего не зналъ и не подозрѣвалъ даже и, по своему обыкновенію, какъ только наступилъ вечеръ, досталъ свое издѣліе, сготовилъ ее къ полету и преспокойно полетѣлъ себѣ въ чертогъ судейской дочери и, какъ всегда, спустился на балконъ дома. Но здѣсь его вдругъ неожиданно схватилъ одинъ унтеръ-офицеръ за лѣвое плечо, а второй за правую полу кафтана.

Но здѣсь его вдругъ неожиданно схватилъ одинъ унтеръ-офицеръ за лѣвое плечо.

Рисунокъ В. Малышева.

Но Ваня не растерялся отъ неожиданности и, предчувствуя, что попалъ въ западню и ему грозитъ неминуемая бѣда, онъ живо сообразилъ, что нужно было ему дѣлать: рванувшись изо всѣхъ силъ, онъ вырвался изъ рукъ его враговъ и въ мигъ вскочивъ на своего голубя, быстро и сильно нажалъ ту пружину, которая направляя полетъ въ даль, и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ обоихъ караульныхъ.

Однако, къ несчастію Вани, въ рукахъ одного изъ унтеръ-офицеровъ осталась пола его кафтана, оторвавшаяся въ тотъ моментъ, когда Ваня рванулся, что было силы, изъ рукъ его враговъ.

Возвратившись утромъ въ городъ и представъ передъ судьей, они объяснили ему все происшедшее ночью у чертога его дочери.

Узнавъ объ этомъ, судья тотчасъ же отдалъ приказъ, произвести въ городѣ тщательный обыскъ и задержать того, у кого окажется подходящій кафтанъ съ оторванной правой полою.

Одинъ изъ слугъ судьи, слышавшій этотъ приказъ, обратился къ своему господину и сказалъ: „А гдѣ то теперь находится нашъ Незнайко; ужъ ни его-ли это штуки?“

Судья приказалъ этому слугѣ сходить въ комнату Незнайки и осмотрѣть его одежду.

Слуга донесъ судѣ, что оторванная пола дѣйствительно принадлежала Незнайкину кафтану, который висѣлъ на гвоздѣ безъ правой полы.

Судья крайне былъ возмущенъ поступкомъ Незнайки и своей родной дочери. Онъ осудилъ обоихъ виновниковъ на смертную казнь.

На главной улицы города были приготовлены два эшафота и висѣлицы. Судьею отданъ былъ приказъ, чтобы въ назначенный для казни день собрались высшія лица города и простой народъ для присутствія при казни преступниковъ, дабы знали и видѣли всѣ, какъ строго караются беззаконія, подобныя тому, которое учинено было виновниками.

Вотъ насталъ день казни. Собралась масса всякаго народа для присутствія при этомъ печальномъ событіи. Привели преступниковъ. Незнайко обратился къ народу и сказалъ:

— Не жалѣю я ни молодости, ни своей жизни, ничего я не жалѣю, кромѣ одного только своего издѣлія. Господинъ Судья—обратился къ нему Незнайко—дозвольте передъ послѣднимъ концомъ показать вамъ и всему честному народу, какъ я леталъ на своемъ издѣліи по воздуху въ чертогъ вашей дочери.

Вся публика, стоявшая тутъ и слышавшая слова Незнайки, тоже присоединилась къ его просьбѣ и въ свою очередь также начала просить судью позволить Незнайкѣ полетать по воздуху, а послѣ казни его издѣліе получить въ видѣ модели ремесленному люду.

Судья подумалъ и согласился удовлетворить общую народную просьбу. Однако для предосторожности, чтобы Незнайка

не вздумалъ обмануть довѣріе судьи и не улетѣлъ бы совсѣмъ, онъ вызвалъ впередъ изъ стоявшаго тутъ наряда солдатъ тридцать самыхъ лучшихъ стрѣлковъ и приказалъ имъ, чтобы они изготовились къ прицѣлу и при малѣйшей попыткѣ преступника улетѣть, немедленно же стрѣляли бы.

Послѣ этихъ мѣръ предосторожности, Незнайкѣ приказано было идти къ назначенному для полета мѣсту и изготовить своего голубя. Незнайка пошелъ, а позади его слѣдовала дочь судьи. Какъ бы желая утереть лицо, Незнайко развернулъ, имѣвшійся у него въ рукахъ носовой

платокъ, изъ котораго выпала на землю маленькая бумажка. Его возлюбленная сразу догадалась, что навѣрно письмо отъ него: быстро и незамѣтно для другихъ нагнулась и подняла бумажку, оказавшуюся дѣйствительно письмомъ. Въ томъ письмѣ было написано слѣдующее:

„Послушай, любезная дочь судьи и моя милая! По всей вѣроятности твой отецъ захочетъ узнать какъ я леталъ къ тебѣ въ гости. И когда я начну складывать своего голубя, то буду дѣлать это нарочно медленно, а ты будь вблизи меня и готовься также сѣсть со мною

Онъ вмѣстѣ со своей возлюбленной въ одно мгновеніе очутились на немъ, и голубъ подъ вліяніемъ нажатой пружины быстрѣе вихря взвился вверхъ.

Рисунокъ художника В. Малышева.

вмѣстѣ, и какъ только получу приказаніе куда летѣть и стану окончательно приготовляться къ полету, ты быстро ухвати меня за подпazuхи и мы вмѣстѣ вскочимъ на голубя и улетимъ, чѣмъ избавимся отъ напрасной смерти“.

По прочтеніи письма дѣвушка стала внимательно слѣдить за каждымъ шагомъ ея возлюбленнаго и выжидала того момента, когда тотъ будетъ садиться на голубя.

Между тѣмъ Незнайко не торопясь собралъ своего голубя и замѣтивъ, что возлюбленная слѣдитъ за нимъ и тоже готова къ полету, онъ обратился къ судьѣ съ вопросомъ: куда ему летѣть? Судья отдалъ приказаніе подняться немного вверхъ и затѣмъ сѣсть на указанное мѣсто. Незнайко подошелъ къ голубю—и прежде чѣмъ успѣли стрѣлки опомниться, онъ вмѣстѣ со своей возлюбленной въ одно мгновеніе очутились на немъ, и голубь подъ вліяніемъ нажатой пружины быстрѣ вихря взвился вверхъ, такъ что оба преступника моментально скрылись изъ глазъ собравшагося народа.

Благодаря столь удачному подъему вверхъ они оба были теперь спасены отъ смерти. Незнайко нажалъ другую пружину и голубь понесся, какъ птица, въ даль. Они летѣли въ отечество Вани.

Уже недалеко отъ цѣли ихъ полета, они вечеромъ спустились на землю, потому что возлюбленная Вани почувствовала, что ей пришло время родить.

Они спустились на краю одной деревнюшки, въ росшій мелкій тростникъ.

На концѣ деревни въ небольшой избушкѣ жили престарѣлые мужъ съ женою. Ваня зашелъ къ нимъ въ хижину и попросился переночевать у нихъ.

Получивъ разрѣшеніе на ночлегъ, Ваня обратился къ старухѣ и объяснилъ ей, что съ нимъ находится беременная жена, которой пришло время родить, и поэтому не можетъ ли она замѣнить бабушку-повитуху. Старушка успокоила его и сказала, что охотно готова, чѣмъ можетъ, помочь его молодой женѣ.

Въ ту же ночь возлюбленная Вани благополучно разрѣшилась отъ бремени и произвела на свѣтъ сына.

Ваня несказанно радъ былъ этому и расцѣловалъ своего новорожденного малютку—сына.

Вскорѣ же призванъ былъ священникъ и новорожденный окрещенъ и названъ, какъ и отецъ его —Иваномъ. Ваня надѣлъ на малютку свой натѣльный крестъ и кромѣ того повѣсилъ на него пятьдесятъ червонцевъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Ваня обратился къ старичку-хозяину съ просьбой взять къ себѣ на воспитаніе его сына до двадцатилѣтняго возраста.

Старикъ отвѣтилъ ему, что онъ радъ бы воспитать его сына, но что на это у нихъ нѣтъ средствъ, такъ какъ они и сами едва перебиваются и живутъ въ крайней бѣдности.

На это Ваня сказалъ ему, чтобы онъ объ средствахъ на воспитаніе не заботился, такъ какъ онъ дастъ ему на это дѣло двѣ тысячи рублей.

Услышавъ о такой крупной для деревенскаго мужичка суммѣ денегъ, старикъ тотчасъ же выразилъ полную готовность оставить у себя на воспитаніе новорожденнаго малютку, и при этомъ онъ обѣщалъ Ванѣ, что воспитаеъ ему сына добраго и постарается научить его уму разуму.

Ваня снялъ съ руки имѣвшійся у него именной золотой перстень, написалъ бумагу, а его возлюбленная сняла съ себя шелковый поясъ и все это они задѣлали въ пакетъ. Въ бумагѣ написано было, какъ и гдѣ сынъ могъ бы отыскать ихъ, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, ихъ сынъ Иванъ. А въ другой пакетъ сынъ правителя положилъ десять тысячъ рублей и запечатавъ эти оба пакета, онъ отдалъ ихъ старику и сказалъ ему:

— Храни эти два пакета, какъ свои два глаза. Когда же нашему сыну наступитъ двадцать первый годъ, то отдай ему ихъ оба.

Затѣмъ Ваня и его нареченная супруга сердечно распрощались со стариками и съ своимъ малюткой-сыномъ и оба вышли изъ деревни. Дойдя до тростника и взявъ тамъ своего спрятаннаго воздушнаго голубя, они усѣлись на него и полетѣли въ родной городъ Вани. Прибывъ туда и спустившись въ родительскомъ саду, они сошли съ голубя. Свою нарѣченную невѣсту Ваня укрылъ на время въ одномъ потаенномъ мѣстѣ въ томъ же саду, а

самъ преспокойно направился въ родительскій домъ.

Когда Ваня, войдя въ домъ, предсталъ предъ изумленными глазами своихъ родителей, которые отчаялись уже когда нибудь видѣть его, и вдругъ теперь вновь увидѣли его въ добромъ здоровьи, то они пришли въ неописуемый восторгъ и радости ихъ не было конца.

Когда же прошли первые поровы обоей радости и привѣтствія, Ваня упалъ передъ ними на колѣни и сказалъ:

— Любезные мои родители, прошу я васъ прощенія, что не испросивъ вашего благословенія, я избралъ себѣ невѣсту, происходящую изъ такого же богатаго и знатнаго рода, какъ и мы.

Родители спросили его, гдѣ же находится его невѣста. Ваня сходилъ за ней и представилъ ее родителямъ. Тѣ ничего не имѣли противъ ихъ брака и, на радостяхъ, тутъ жъ изъявили свое согласіе и благословили обоихъ на брачную жизнь.

Въ скоромъ же времени была пышно отпразднована свадьба Вани съ его возлюбленной.

Прошло нѣкоторое время и престарѣлые родители Вани умерли. Ваня занялъ отцовское мѣсто и сталъ теперь самъ правителемъ ихъ города.

Между тѣмъ сынъ Вани, отданный имъ на воспитаніе деревенскому мужику, понемного росъ и развивался и подобно другимъ деревенскимъ ребятамъ, зани-

мался одинаковыми съ ними забавами и развлеченіями; часто ссорился съ ними, а иногда обижалъ ихъ; тѣ съ плачемъ и ревомъ бѣжали жаловаться своимъ матерямъ. Глупыя деревенскія бабы выскакивали на улицу, ругали убѣгавшаго мальчугана всякими словами, а болѣе всего обзывали его и кричали ему въ слѣдъ:

— Ахъ ты . . . такой сякой! Вѣдь ты подкидышъ, бл . . . ой сынъ!

Ребенокъ, конечно, не понималъ значенія этихъ словъ и потому не придавалъ имъ значеніе и пропускалъ ихъ мимо ушей.

Но вотъ мальчику миновало девять лѣтъ и его отдали въ школу. Ученіе маленькому Ванѣ далось хорошо.

Въ одно прекрасное время ученики были отпущены учителемъ погулять. И какъ только выскочили всѣ ребятишки на улицу, тотчасъ же начали одинъ другого толкать, бросаться снѣгомъ и снимать другъ у друга съ головъ шапки и бросать ихъ въ сторону.

Ваня былъ однимъ изъ бойкихъ мальчугановъ и тоже сталъ баловать подобно другимъ и снимать съ товарищей шапки, которыя кидалъ въ сторону.

Ребята, въ особенности поменьше Вани, начали плакать, и съ досады, желая чѣмъ нибудь отплатить шалуну, они начали дразнить его, подобно своимъ матерямъ:

— Охъ, ты, выбл . . . окъ, стариковскій подкидышъ.

Теперь Ваня понималъ уже значеніе этихъ словъ и поэтому онъ задумался надъ ними.

Придя изъ школы домой онъ обратился къ своимъ названнымъ родителям и спросилъ ихъ:

— Чей я сынъ? Почему меня ребятишки называютъ бл . . . скимъ сыномъ, выбл . . . окомъ и стариковскимъ подкидышемъ?

Старики, конечно, сочли преждевременнымъ открыть ему истину и стали, какъ умѣли, успокаивать его и разубѣждать въ справедливости слышанныхъ имъ словъ.

— Ты, Ваня, нашъ, единокровный и единоутробный нашъ сынъ, — говорили ему старики, — а что скверные мальчишки говорятъ тебѣ и обзываютъ такими нехорошими словами, то ты на нихъ не обращай вниманія. Ты вотъ пойдешь въ школу, такъ попримѣчай: они всегда укоряютъ другъ друга какими нибудь родительскими уликами, и не размышляютъ о томъ есть ли правда въ ихъ словахъ или нѣтъ. А мы прожили всю свою жизнь честно и благородно и никому худаго никогда не сдѣлали, такъ за насъ тебѣ и укорить-то нечѣмъ.

Съ этого времени Ваня сталъ внимательно присматриваться и прислушиваться къ обоюднымъ отношеніямъ своихъ товарищей и къ ихъ словамъ и брани, которыми они постоянно корили другъ друга.

— — Ахъ ты, острожникъ! — говорить одинъ изъ нихъ другому.

— А вы—честные люди? у тебя и сейчас мать изъ-за отца гуляетъ—отвѣчаетъ ему другой.

Такія и подобныя имъ выраженія ежедневно слышалъ маленькій Ваня отъ своихъ товарищей. И въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что не стоитъ обращать вниманіе на ругань глупыхъ и грубыхъ товарищей, а слѣдуетъ пропускать не замѣченнымъ ихъ брань и разныя клички, такъ какъ его стариковъ,—онъ прекрасно понималъ то—никому и не за что упрекнуть въ чемъ либо худомъ, потому что они въ дѣйствительности худаго никому не дѣлали и жили честно и благородно.

И Ваня продолжалъ по прежнему жить со своими стариками и помогать въ работѣ.

Вотъ ужъ минулъ Ванѣ семнадцатый годъ и онъ изъ мальчика превратился въ красиваго и стройнаго молодаго человека. Но все еще онъ ничего не зналъ о своемъ происхожденіи, такъ какъ старики никогда ни слова не обмолвились ему объ этомъ.

Но какъ не скрывали старики отъ Вани тайну его происхожденія, однако онъ узналъ объ этомъ.

Въ одно прекрасное время, совершенно случайно, въ руки Вани попали оба пакета, распечатавъ которые онъ въ одномъ нашелъ бумагу, написанную его отцемъ,

перстень и поясъ, а въ другомъ—десять тысячъ рублей. Ваня, не сказавъ ни слова своимъ старикамъ, ночью потихоньку ушелъ изъ ихъ дома, предварительно захватить съ собою свою находку т. е. оба пакета.

Однако Ваня не пошелъ отыскивать своихъ родителей, а направился въ ближайшій городъ и поступилъ къ одному купцу въ прикащики. Онъ не хотѣлъ послушаться родительской воли и явиться къ нимъ моложе двадцати лѣтъ, какъ о томъ сказано было въ написанной отцемъ бумагѣ.

Ваня прожилъ у купца ровно три года и когда ему наступилъ двадцать первый годъ, отправился къ своимъ родителямъ.

Придя въ городъ, которымъ управлялъ его отецъ, онъ явился къ нему лично и предъявилъ бумагу, перстень и поясъ.

Родители Вани несказанно были рады его приходу и тотчасъ поселили его у себя въ домѣ, вмѣстѣ съ собой.

Вскорѣ-же молодаго правителя женили на богатой о знатной дѣвушкѣ и родители назначили его наслѣдникомъ ихъ богатства.

И сталъ Иванъ Ивановичъ благополучно поживать съ молодой женой и растить своихъ дѣтокъ.